

Лана Петровских
высокоблагородие

Лана Петровских
Высокоблагородие

«Издательские решения»

Петровских Л.

Высокоблагородие / Л. Петровских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936382-4

«Твое положение подчиняет всякого, ты всё имеешь в этом мире, кроме счастья быть любимым... обернись, ведь счастье рядом».

ISBN 978-5-44-936382-4

© Петровских Л.
© Издательские решения

Содержание

Высокоблагородие	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Высокоблагородие

Лана Петровских

© Лана Петровских, 2018

ISBN 978-5-4493-6382-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь – не существительное, а глагол.

Любовь – активное взаимодействие души и сердца

ЛАНА ПЕТРОВСКИХ

*По образованию и призванию
семейный психолог, сценарист*

Автор книг:

*«Равняется Любовь», «Девичий роман», «Любимый детектив»,
«Затеряться в любви», «Часов не наблюдают», «Пятна Роршаха»*

*«Твое положение подчиняет всякого, ты всё имеешь в этом мире, кроме
счастья быть любимым... обернись, ведь счастье рядом».*

«Господа, а ведь могло быть и хуже!».

Конец XIX века. Царская Россия

Высокоблагородие

Пролог

На закате чудесного сентябрьского дня смотреть на полоску горизонта, где край неспешного моря превращается в небо, и видеть, как лучи, касаясь поверхности, слегка пробегают вдоль редких ленивых волн, будто аккорды волнующей музыки, и ничего не чувствовать, кроме пустоты – удел обречённого человека.

Он стоял на обрыве, сжимая камни в руке. От долгого жесткого соприкосновения на поверхности ладони повторились изгибы высохшей гальки. Он бесстрашно посмотрел вниз... Как долго приходило его прозрение? Чего еще желать в жизни, ставшей ненужной?

Вопросы не искали ответов, он давно решил... безвозвратность – единственно верный путь завершения его одиночества.

Он раскрыл ладонь, посмотрел на причудливые камешки, они как сиротки жались к краю, в сотый раз напоминая ему о собственном состоянии души.

Спустившись к морю, он закинул горсть округленных камней, которые расплескались по воде, образуя круги и брызги... Внезапно сбоку чей-то проворный камешек игриво проскакал по глади моря. Он произвольно сосчитал до пяти и обернулся...

Глава 1

Москва. Осень.

Сгустились сумерки. Днём ещё горячие лучи грезили о лете, а вечером осенний прозрачный воздух смешивался с холодным дыханием спешащей зимы. Сегодня вечер казался особенно морозно-жгучим.

Еле слышно подъехал экипаж. Его умышленно подали к парадному входу для возможных любопытствующих глаз соседей, якобы гость пожелал покинуть праздник. Но копыта лошадей намеренно обернули в бархат, чтобы звуки экипажа не столь явно выделялись на фоне заснувшей до утра улицы.

Она не успела переодеться в дорожный костюм, потому набросила на вечернее платье клетчатую накидку гувернантки. Чужой плащ скрыл роскошное розовое платье от посторонних. Легкой походкой она пересекла большую прихожую, приоткрыла массивную дверь. Холодное дыхание вечера на миг остановило её, но, справившись с волнением, она скрылась в экипаже. Кучер-сообщник в считанные секунды вывез беглянку за ворота родительского особняка.

Через заднее окошечко она мысленно прощалась с папенькой, матушкой и братом... В воображении, пробегая лица родных, столкнулась взглядом на портрете надменной бабушки, которая сурово стиснула тонкие губы. Девушка поежилась, представляя, как отзовется ее поступок в душе близких. И легкий укол пронзил область легких, предостерегая: «Вернись, что ты делаешь?! Еще не поздно все исправить!»

Но она отвернулась от дома, который исчезал за толстыми лапами елей, понимая, что не в силах смотреть на прошлое, которое минуту назад было настоящим. Она промокнула платочком глаза, забралась в темный угол кареты и сжалась в комок – «только ни о чем не думать, только ни о чем не думать» – безмолвно, как молитву, твердили её губы.

Вскоре тряска прекратилась. Понимая, что лошади остановились, она встрепенулась, села на край сиденья ближе к окошку. Дверца экипажа распахнулась, в темноте она различила мужской силуэт, руки которого потянулись к ней. Она ждала этого, но вдруг испугалась, отталкивая его объятия, вскрикнула...

...

В разгар торгового утра суета на рынке напоминала путаный муравейник. Беготня посыльных из одной лавки к другой с товаром и без. Горластые зазывалы, офени да коробейники – мелочные торгаши всех мастей с галантерейными и мануфактурными товарами, толкаясь коробами, перемешивались с толпой заезжих, торгующихся и любопытствующих граждан. Будто разноцветными коклюшками, то рассыпаясь, то сталкиваясь, расцветал рыночный день. Ажурное кружево народного промысла внезапно разорвала толпа босоногих мальцов, которые хором голосили – «Облава!»

Поддаваясь необузданной панике, торгаши прятали излишки товаров. Слепые нищие, вдруг обретя зрение, в спешке покидали базарную кормушку. Кто-то под шумок, стащив без внимания оставленный товар, на ходу подстёгивал панику – «Уноси ноги!»

В окружении подчинённых – городских и пристава, неспешно вышагивал Гавриил Панкратович, начальник полицейского управления в чине коллежского советника.

Неожиданно мальчонка лет восьми, нескрывтно укравший булку, не разбирая дороги и спасаясь от погони приказчика, со всего маху влетел в статную фигуру представителя власти. От столкновения мальчонка распластался на земле, а его потасканный картузик от падения отлетел в сторону, в загородку, где сквозь щель между набитыми досками со страхом и сочув-

ствием пристально смотрели женские глаза. Еще секунда, и последует удар! Глаза резко зажмурились, не желая видеть унижение...

Добежавший приказчик, льстиво сгибаясь перед господами, прислужливо громко зашептал, обвиняя в краже поднятого за шиворот воришку, и желая угодить, размахнулся для удара, но в мгновение был сам отброшен в сторону свободной рукой советника.

– Украл? – грозно спросил Гавриил Панкратович, удерживая мальчишку.

Мальчонка кивнул.

Оглядев собравшихся, советник пробасил:

– Чей пострел?

В робкой тишине раздался смелый глухой голос:

– Да ничейный, ваш благородие... сирота... вторую неделю тута околачивается, видать помёрли все...

– Так? – строго спросил советник у мальчонки.

Тот вновь кивнул и опустил голову.

– Чтоб на табачную фабрику Попова уборщиком отвели. А коли покажет себя в работе, так в ученики взяли, лично проверю. Там и ночлег, и еда, – завершил Гавриил Панкратович, передавая мальчугана в руки околоточного.

Красивые карие глаза за перегородкой изумлённо прищурились. И еле слышно прозвучало одобрительное звонкое цоканье.

Глава 2

Пропажу беглянки обнаружили к обеду.

Гости после бала разъехались в два часа ночи, домочадцы поспешно легли отдыхать. В суете никто и не заметил отсутствие Лизы. Двери ее спальни были закрыты на ключ, что бывало нередко после шумного многолюдного праздника.

Переполох в доме Михаила Васильевича продолжался часа два. Когда прибыл племянник хозяина дома, коллежский советник полицейского отделения 3-го делопроизводства, Гавриил Панкратович, в доме наступила болезненная тишина.

– Крепость Божья, Гаврилушка, голубчик! Лиза пропала... Дверь взломали... ни следочка... Ты для меня как сын, хоть батюшка твой и не по крови брат мне был... Помоги, Христа ради...

Михаил Васильевич раскраснелся от переживаний, мучительно вздыхал и посекундно вытирал глаза краем бархатного халата.

По характеру был он миролюбивым и несколько беспомощным. Его расплывшаяся фигура говорила о добром нраве и умиротворении в отношении всех живущих на земле. Слуги его обожали за кротость и вежливость, дети души не чаяли в папеньке за благодушие и щедрость.

Гавриил под всхлипывания дяди ходил туда и обратно по комнате, разделяя ее по диагонали. Потом неожиданно покинул большую гостиную, поднялся на второй этаж и замер на пороге перед комнатой кухни, долгим взглядом осматривая убранство девичьей спальни.

Посередине на манер европейского стиля стояла белоснежная кровать с балдахином. Светлая мебель с вензелями и розочками, бюро, туалетный столик с расписным кувшином, крохотный букетик в керамической вазочке на окне и воздушная тюль – всё убранство погружало лицеизрителя в сахарно-ванильный пломбир.

Пока Михаил Васильевич, путаясь в полах длинного халата, взбирался по лестнице, Гавриил, склонившись над бюро, прочитывал испещрённые измятые листы бумаги, которые бережно расправил несколько секунд назад.

– Ты не входи сюда! – строго и четко приказал Гавриил, обращаясь к дяде на «ты», не поднимая головы в его сторону. – Это я возьму с собой... Тебе незачем знать, что это, – предвосхищая вопрос, предупредил Гавриил.

– Гаврила Панкратович! Что с Лизой? – умоляюще пролепетала Анастасия Петровна, бесшумно застывшая в дверях около мужа.

– Маменька, я вам капель накапаю, – поддерживая под локоть пожилую даму, побормотал Всеволод.

– Гаврила Панкратович... Это предсмертная записка? – срываясь в голосе, спросила Анастасия Петровна.

– Совсем нет! – четко ответил Гавриил и, свернув листы, спрятал их в нагрудный карман. – Сидите дома, слуги пусть не болтают, я сам все разужнаю и сообщу немедля!

Он стремительно покидал дом.

– А если спросят, где Лиза? – дрожащим голосом вдогонку с балкона лестницы пролепетал растерянный отец семейства.

– Больна! И весь сказ! – не оборачиваясь, прогремел коллежский советник.

Не ожидая прихода начальства, конторские исполнители медленно просачивались со службы. Не успевшие уйти, судорожно разбежались по кабинетам, заслышав рычание внезапно вернувшегося начальства в облике Гавриила Панкратовича.

Через пять минут дверь важного кабинета приоткрылась. В узкий просвет протиснулся титулярный советник (секретарь и помощник) и, протирая лоб надушенным платком, тихо произнес в коридор:

– Тсс, господа... Чаша выпита... идите с Богом...

Произнесенную фразу подслушивающие трактовали одинаково – «Можно идти по домам, гроза миновала».

Имя отца, Панкрат, отложило отпечаток на характере и самолюбии Гавриила. «Всемогущий, всевластный». Рано обнаружив свой талант в манипулировании людьми, Гавриил с малых лет руководил няньками, дворовыми и родственниками. В отрочестве качества лидера подкреплялись не только щедрым отцовским кошельком, но и верой Гавриила в справедливость. Он умело извлекал главную суть из мыслей мудрецов, переформулировал её в достигаемые простым слушателем слова и доносил сущность до каждого.

Добиваться истины во всём – оставалось жизненной позицией и в зрелые годы. Если кто-то на пути достижения правды пытался затронуть его самолюбие – Гавриил становился агрессивным и мог стать беспощадным. Он не любил компромиссы, но с возрастом и жизненным опытом учился прощать.

Внешне он был суховат, сдержан, без лирической пылкости в дамском обществе, потому не был женат. Ему было 38 лет, служба шла обычным темпом, он имел орден святого Владимира, орден святого Станислава 1 степени, орден Святой Анны за выслугу лет, и к нему обращались не иначе, как «Ваше высокоблагородие!»

Гавриил Панкратович отложил казённые бумаги в сторону, достал из нагрудного кармана измятые листы и погрузился в чтение.

Почерк Лизы, а знал он его отменно, был непреднамеренно изменён. Буквы подплясывали, округлялись, было件ятно, что она сильно нервничала. В начале сумбурного письма она просила о помощи...

«Помогите... Я не понимаю, простите меня... папенька, молю...».

Потом Лиза нарисовала пронзенное сердце.

«Как это, собственно, по-детски», – подумал Гавриил.

Бумага в некоторых местах покособилась от падающих на нее девичьих слез. Гавриил понимал, что «маленькая Лиз», которую он знал чуть ли не с рождения, сбежала из родительского дома. Добровольно и нелепо. Когда сбегает хорошенькая девушка из отчего дома, в котором её обожали и баловали, то причина побега высвечивалась слишком конкретно – мужчина.

От очевидного вывода Гавриила пробила нервная дрожь, он сжал пальцы правой руки в кулак, словно для удара воображаемому повесе и подлецу. Ведь истинно любящий мужчина никогда не позволил бы восемнадцатилетней девушке бежать из дома без благословения.

Удар кулака пришелся на край стола.

«Как быстро выросла маленькая Лиз!»

После допроса заикающихся слуг в доме Михаила Васильевича коллежский советник понимал, что искать следы поспешного бегства в доме среди ничего не знающих и не помнящих слуг – пустое занятие. Лиза сбежала после одиннадцати вечера, предположительно, в бальном розовом платье, оставив украшения в шкатулке. Её документы хранились у поверенного отца и потому были в целости.

Практичная девушка, сбегая из дома, оставила бы драгоценности при себе на всякий случай. Почему же Лиза оставила украшения дома? Этот вопрос остался без ответа.

На следующий день, не раскрывая своих истинных размышлений, Гавриил высказал тонкое предположение (его выдумка могла увести мысли несчастных родителей в иное русло), что Лиза, захваченная новомодным течением, бродячими театрами, и, будучи романтически простодушной, пустилась в странствие с каким-нибудь балаганом. Лиза еще наивна и трепетна и, начитавшись различных рекламных глупостей, перепутала реальность с выдумкой.

Домочадцы, немного приглушив волнение, остановились на этой версии Гавриила Панкратовича, которая благодатным зерном легла на подготовленную почву.

– Может, девочка, действительно, уехала с каким-нибудь странствующим театром? И скоро вернется? – шепотом произнес Михаил Васильевич, настраивая домашних на недолгое ожидание. – Скоро всё разъяснится, дорогие мои... Идём почивать.

А вечерний город не спал. Повсюду была жизнь – пролётка с веселой песней пронеслась вдоль набережной, пешеходы чинно прогуливались мимо красочных витрин, где кондитерские изыски дразнили лакомым изяществом, а рядом группа молодых щеголей оживлённо обсуждала что-то, провожая трепетными взглядами открытые экипажи, которые, взметая за собой ворох опавших листьев, терялись в сумраке ночи.

Неспящее время – время больших балов, где происходила «ярмарка невест».

Осенью в Москву съезжались девушки, чей возраст приближался к брачному, и проводили здесь время до Троицы. Но в воскресенье, на 50-й день после Пасхи, невыбранные невесты разъезжались вновь по поместьям до следующей осени.

Гавриил шел размеренным шагом по набережной, отмечая необычайную яркость начищенных фонарей. Свет мешал сосредоточиться, отвлекал от главного. Советник свернул в переулок, подальше от уличного оживления и суеты.

«Если Лиза сбежала, значит, была уверена, что родители на дали бы согласия на брак с господином N.! Сегодня уже решительно ничего не предпринять».

Гавриил изменил свой маршрут и направился на вокзал. Чего именно он мог ожидать от разговора с полицейскими, наблюдающими за привокзальной жизнью, он не предполагал.

По ответам служителей закона в приватной беседе, встревоженных при виде чина, коллежский советник понял, что ничего подозрительного на тему беглянки или беглецов за последние сутки не отмечалось.

Возможно, Лиза еще в Москве, но это была слабая надежда. Ее могли увести в закрытом экипаже, коих в городе тысячи. И церковью для тайного венчания в пригороде предостаточно. От мысли о венчании Гавриил похолодел.

«Бедная маленькая Лиз, что же ты натворила?» – с глубокой тоской подумал он.

Глава 3

Распущенные волосы незнакомки, едва коснувшись края кремовой портьеры, замерли, притянувшись к плотной ткани, и миг образовали на светлом фоне каштановую паутинку. Взгляд непрошеной гостьи внезапно застыл на парадном портрете надменной пожилой дамы.

Тонкие старческие губы, будто с усилием приподнимая уголки, так и не смогли нарисовать улыбку. Незнакомку остановил не суровый взгляд, натурально изображенный на холсте, а ювелирное украшение необычайной сложности исполнения. Брильянтовое кольцо, мастерски нарисованное на морщинистой шее, поблёскивало в полумраке гостиной.

Приближаясь к портрету, девушка позабыла об осторожности. И в то самое мгновение, когда её рука уже потянулась к краю позолоченной рамы, кто-то сильно схватил её сзади за плечи и опрокинул на ковёр.

Промучившись бессонницей, при утреннем умывании Гавриил получил записку от дядюшки с просьбой прибыть незамедлительно.

– Гавриил, голубчик... престранное происшествие... Я бы не беспокоил тебя, но ты сказал, что всё, что выходит за рамки обычного, сообщать тебе немедленно.

Михаил Васильевич говорил суетно, сбивчиво, указывая руками в направлении зимнего сада. Увлекаемый дядей, Гавриил вошел в крытый павильон, где в конце растительной галереи была сооружена комнатуха для надобностей садовника. Там в полумраке, с кляпом во рту и связанными руками сидела цыганка.

Красная юбка, белая свободная рубашка, рябиновые бусы. Платок с головы лежал на полу около ног. Распущенные в беспорядке волосы свидетельствовали о признаках борьбы. Рядом стоял садовник с лопатой в руке.

Застенчиво оправдываясь, хозяин дома, Михаил Васильевич, прятал руки за спину:

– Не... подумай ничего, мы её не били... Просто она хотела убежать, нам пришлось связать ее.

Пленную пересадили на светлое место в сад, освободили от кляпа и веревок.

Сначала советник выслушал рассказ садовника, который и поймал подозрительную, кружившую в прихожей дома.

– Как уж она пробралась, я не ведаю, только выглядывала она кого-то уж больно прорывисто... Через залу-то эту в дом попасть можно, я ж поймал её, как она к гостиной подбиралась... Подкрался, хват её, на пол... а она укусила... зараза! – садовник погладил укушенное место на предплечье. – И что главное, спрашиваю её, она молчит... Девки дерутся, так крик стоит на всю околоточную, а эта ни звука, немая мож?

Гавриил приподнял ее голову за подбородок, откинул волосы и пристально, профессионально посмотрел в глаза.

– Рот открой, – спокойно, но значительно приказал Гавриил Панкратович.

Молодая цыганка не повиновалась.

– Немая, говоришь?! Но понимать понимает, – подытожил советник. – В участок ее! Живо!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – отрапортовал садовник. – Щас с мужиками дотащим...

– Не надо с мужиками, – прошипела цыганка. – Добровольно пойду!

«Смелая!» – подумал Гавриил, глядя на нее. «И хитрая!»

– Сбежать не получится. Лично поведу, а рука у меня железная, мне твои укусы, как комариный писк.

– Не боишься яда, Ваше благородие?! – дразнила цыганка, сверкая карими глазами.

«А глаза у неё отменные, завораживающие», – мысленно оценил Гавриил.

– У меня противоядие есть!

Михаил Васильевич суматошился, не зная, с какой стороны подступиться к незваной гостье.

– Может, денег ей дать? – предложил Михаил Васильевич. – Зачем ты ко мне пожаловала?

– Ошиблась... дома похожие...

– Зачем украла Лизу!? – громко ошарашил советник, чуть дрогнув голосом на имени пропавшей.

По долям секунды её замешательства он понял – попал в точку.

Через пять минут галерея зимнего сада наполнилась людьми. Перемешались дворовые и домочадцы, все галдели, показывая пальцами на гордую цыганку, которая только усмехалась краешком красного рта.

– Довольно! Вон пошли! – не церемонясь и не взирая на сословия, прогремел Гавриил Панкратович.

Будто осенним порывом ветра унесло разноцветную охапку листьев. Галерея опустела. Остались только трое – садовник, исподлобья поглядывающий на пленницу, притаившись за дверью зимней теплицы; хозяин дома – Михаил Васильевич, да сын хозяина, Всеволод, восхищённо взирающий на цыганку.

– Ты не из пугливых, потому скажу просто – на каторгу пойдёшь в два счета. Верись в мои предсказания?

После громоподобного крика, голос Гавриила слышался неестественно тихим. Он присел на табурет напротив цыганки. Не пряча взгляд, она пристально посмотрела на него, но через несколько секунд опустила ресницы, не выдержав устремлённого стального взора советника.

– Тебе не найти её... Она сама так решила...

– Зачем сюда пришла? – медленно спросил Гавриил Панкратович.

Цыганка молчала, разглядывая то пол под ногами, то стеклянный потолок сада, избегая смотреть в глаза.

– Что должна забрать из дома? И кому передать?

Вновь неожиданный вопрос привел ее в замешательство.

– Умный ты, барин... да дурак, – беззлобно ответила цыганка.

Жестом, обращенным в сторону притаившегося садовника, Гавриил остановил порыв слуги вмешаться.

– И в чем же дурак, извольте узнать?! – ехидно спросил советник.

– Если любишь, надо было сразу! Просмотрел... – еле слышно ответила цыганка.

Гавриил Панкратович похолодел, когда до него дошел скрытый смысл ее слов, коснувшийся его тайны. С трудом сдерживая гнев, покидая галерею, он прошипел садовнику:

– В участок её!

Вторая бессонная ночь забирала остаток сил. В четыре часа утра он пошел к заутрене в церковь. Облегчение от дум не пришло, но в голове от обилия свечей и молитв прояснилось.

В девять утра советник был в камере задержанной. Узкое длинное серое помещение напоминало пенал. Единственным пятном мутнело крохотное окошко под самым потолком с грязным стеклом и чугунной решеткой, на подоконнике стоял огарок свечи.

Гавриил Панкратович долго молчал, впервые не зная, с чего начать. Цыганка заговорила первой, и тембр ее голоса был бархатно-мягким.

– Я не верёвочка, по которой ты найдешь ее. Отпусти ты меня... измучили меня здесь... спать не давали, воды не давали... Не со зла я тебе слова сказала, пожалела... Глупая она. А шла я за ее шкатулкой... Только велено мне было шкатулочку-то при себе держать, да назавтра

в парке Петровском ждать. А кто придёт – не знаю... вот и всё... Отпусти ты меня, Христа ради. – Ваше высокоблагородие...

Гавриил поднял покрасневшие от усталости глаза и впился взглядом в цыганку.

– Вижу, сам измучился... остуди сердце... перекинь думы... – ласково проговорила цыганка. – Не ровня она тебе... пустышка...

За много лет он впервые усомнился в себе. То ли ночи, проведенные без сна, то ли потаённое, крепко спрятанное в душе вдруг обрело материю, облекаясь в слова. То, о чем болело его сердце, о чем не позволял себе думать в часы одиночества, вдруг кровоточащей раной вырвалось наружу. Его глаза наливались кровью, что-то звериное просыпалось в нем.

«Как эта чернь посмела говорить о его чувствах к Лизе!»

– Не свирепей, высокоблагородие... тайну твою с собой унесу, здесь подвоха не будет... Отпусти меня, – будто прочитав его мысли, осторожно промолвила цыганка.

С трудом овладев собой, Гавриил отодвинулся от задержанной, выпрямился во весь рост и бесстрастным голосом с казёнными нотками проговорил:

– Завтра со шкатулкой будешь в том парке. Не дай бог, только подумаешь сбежать, пристрелю. После сделки отпущу.

Он подошел к двери и неожиданно ловким движением выхватил револьвер и, почти не целясь, сбил огарок свечи с подоконника. Расстояние две казённых сажени!

Цыганка вжала голову в плечи, понимая, что играть с ним опасно.

За дверью он велел караульному накормить задержанную.

Глава 4

В эту ночь ему снились кошмары. Цыганка, перебрасывая края широкой юбки, кружилась по залу. Дождем из золотых украшений проливалось пространство вокруг нее... Портреты предков оживали на стенах... Всё кружилось в бесовском танце...

Гавриил очнулся, вскочил с кровати, оглядывая свою спальню.

Через час он был в надзирательской. Привели задержанную.

– Принеси что-нибудь поесть, – отдав поручение конвоиру, он сосредоточился на бумагах. Цыганка продолжала стоять.

Через пять минут в надзирательскую на подносе с белой салфеткой всплыли вкусно пахнущий чай с мятой и румяные пирожки.

– Руки ей освободи, – приказал Гавриил Панкратович.

Цыганка обессиленно прижималась к косяку. Когда дежурный вышел, советник отодвинул бумаги.

– Садись и ешь. Мне твои обмороки ни к чему. Дело нельзя провалить. Когда некто подойдет и заберёт пакет со шкатулкой, ТЫ! – он будто ударил – продолжаешь сидеть, пока не стихнет суматоха. Потом дойдёшь до набережной спокойно и чинно, завернешь за угол булочной и свободна!

Когда они сидели в закрытой пролетке, он не повторял инструкций, а наблюдал через окно.

– Через минуту пойдёшь! До парка квартал... За тобой проследят, я поблизости буду...

Молодая цыганка вдруг застонала, сжимая губы и скороговоркой произнесла:

– Прости меня, я всё сделаю как надо... Не ходи за мной, прости, прости... нельзя тебе говорить, да не могу я иначе, судьбу свою ломаешь, брось ты ее, не любит она тебя, да и не полюбит никогда. Даже если найдёшь её, силком к родителям отправишь, снова сбежит, а тебя ненавидеть будет, другая у тебя... другая будет, только ты не видишь ничего, не чувствуешь, обида в сердце живет, не ходи за мной, все сделаю и... пропаду...

Гавриил обернулся при первых её словах и наблюдал, как искренне, правдиво молит цыганка. В полутьме закрытого экипажа, она и на цыганку-то похожа не была: красивое светлое лицо, манящие глаза. И голос, срывающийся от волнения, завораживающий, нежный и доверительный. Он отмахнулся от разыгравшегося воображения и толкнул дверцу ногой.

– Ступай!

Она вздрогнула, покорно кивнула. На прощание распахнула в его сторону восхитительные глаза и вышла.

Петровский парк был излюбленным местом москвичей. Обширный пруд, лучи липовых аллей, ландшафтные излишества ещё радовали глаза великолепием осенних красок.

Недалеко от кофейного домика на самом видном месте на центральной скамейке она робко сидела под градом осуждающих и любопытствующих взглядов прогуливающихся. Нелепо смотрелась её красная юбка среди изысканно одетой публики. Дамы в роскошных накидках с презрением, а подчас с жалостью смотрели за неё.

Из кармана суконного «веллингтона» советник достал часы. Стрелка отмерила пятнадцать минут. Нервы пульсировали под сюртуком. Он сидел в той же пролетке, которая теперь стояла напротив назначенного места.

Мимо скамьи пробежал мальчишка, продавец газет. Неожиданно вернувшись, подскокил к цыганке, выхватил свёрток из её рук и припустил, петляя между прогуливающимися по парку.

Переодетые полицейские галопом неслись за ним. Но мальчишка, кинув сверток в при- тормозившую пролетку, исчез в толпе. Преследователи остановились, не зная инструкций на сей сюрприз.

Гавриил Панкратович, забыв о цыганке, скомандовал догнать обманщиков. Но ускользающий возничий, лихо управляя кобылой, свернул в узкий переулок. Пролётка советника проскочила поворот. Далее преследование не имело смысла.

«Будто контрабандисты! Разработали план почище полицейского надзора!» – Гавриил был в бешенстве.

Остановившись, извозчик закрыл голову руками, понимая всю тяжесть последующих для него мер.

Гавриил Панкратович вышел на мостовую, осмотрелся и похолодел, увидев на противоположной стороне улицы Лизу.

Девушка поспешно свернула за угол дома. Советник, забывая про чин, как гончий, помчался за ней. За углом её ждал закрытый экипаж. Последнее, что увидел Гавриил, – мужские руки изнутри помогли взойти ей в коляску. Она на секунду обернулась, увидела бегущего к ней Гавриила, состроила в его адрес гримасу и скрылась за дверцей. Возница пустил гнедую в галоп.

Не понимая, как трактовать сие происшествие, Гавриил прислонился к стене фасада и закрыл глаза рукой. В возникшей темноте проявилось притворное лицо Лизы, её насмешка. Он впервые не совладал с собой...

Глава 5

Трактир на Тверской вторым этажом над чайным магазином братьев К. гудел всю ночь. Выпитая в изрядном количестве, водка мутила разум. Он пытался забыться, но в угарном забвении внутренняя тоска и опустошённость продолжали мучить его.

«Идти домой... домой... пока не оказался в канаве», – твердил себе под нос Гавриил Панкратович.

Извозчик, с трудом разобрав названный адрес, медленно направил лошадь в путь. Но внезапно кобыла понесла во весь галоп, и на повороте, через пару домов от трактира, коляску занесло. Столкнувшись с другим экипажем, она упала на бок. Не понимая происходящее, от сильного удара Гавриил выскользнул с сиденья и распластался на мостовой. Темнота...

...Он приоткрыл глаза, ощутил резкую боль в ноге и застонал. Чьи-то осторожные руки охладили разламывающийся от боли лоб. Гавриил снова закрыл веки.

Когда он очнулся, над головой чернел потолок, было темно и пахло сыростью. Гавриил попытался приподняться на локтях. Он лежал на кровати в нижнем белье, ноги были укрыты клетчатым пледом.

– Слава богу! – кто-то прошептал в изголовье. – Опамятовался.

– Где я?

– Теперь все хорошо, ваше благородие, на доктора денег нет, но я сама понимаю в медицине. Раны поверхностные, переломов нет, ушибы да ссадины, хвала господу.

В комнате было темно, единственным освещением была яркая луна, свет которой падал на край кровати перед окном.

– Где я? – настойчивее спросил Гавриил.

– Вот и нотки барина появились, – улыбаясь, сказал женский голос с узнаваемыми бархатными нотками. – Не чаяла, что увидимся вновь, ваше благородие...

Женский силуэт предстал перед взором Гавриила.

– Ты?! – от неожиданности он поперхнулся и закашлялся.

– Я! ...Шла за вами всю дорогу после парка. Потом, когда из трактира вышли сами, решила больше не преследовать вас, так возникший столько шуму наделал... Пока я добежала до крушения, они уж вас подняли... В другую пролётку и вот... вы у меня в гостях...

– Как звать? – тихо спросил Гавриил.

– Луладджа... Лула

– Гавриил Панкратович, – сухо представился советник.

– Я помню...

– А чего не в табор повезла? Денег бы выпросила за спасение...

– Шутить извольте... не надобно мне денег, а живу я одна...

– Судя по шикарнейшей комнате, просто купаешься в достатке, – иронизировал Гавриил. – Воды дай, голова болит... Возьми деньги в кармане сюртука, найми экипаж закрытый, адрес я возникшему сам скажу... загостился, домой хочу! – отрезал Гавриил.

– Жаль, под руками ничего тяжелого нет, так бы и оглушила, чтоб опять в беспомощности оказались, сразу мирным станете, – с обидой произнесла Лула.

Гавриил расхохотался, насколько позволяла боль в грудной клетке.

– А ты презабавная! Лула... Что значит твоё имя? Какая-нибудь «мечта»?

– Цветок жизни...

Гавриил поднял брови вверх и устало откинулся на подушку.

– Ладно, полежу немного еще... Может, споёшь? Цыганские песни развесёлые, мне как раз такой сейчас не хватает...

Лула присела на край кровати, устремила взгляд в освещённое луной окно и тихо запела.
«Осень прогея. Со текерав манго? На дерпэ нисостыр, мэ кэ ту явава и тире калэ якха мэ удыхава...»

Разглядывая профиль, Гавриил усомнился в её цыганском происхождении – прямой нос, изысканные черты лица, светлая кожа, словно кистью нарисованный контур губ.

Бархатный голос проникал в душу, защемило внутри от тоски, которая вновь воскресала в чувствах.

– Я ж просил разудалую, а ты как кошка звуками мучаешь... о чём спела-то?

– Осень прошла. Что делать мне? Не бойся ничего, я к тебе приду, и твои глаза я увижу.

Я их долго искал и нашёл!

– В общем, муть... как обычно... экипаж найми!

Она покорно вышла.

Через четверть часа возникший помог ему спуститься со ступенек первого этажа. Она молчала, наклонив голову, когда он усаживался в пролётку.

– Ну-ка, подойди ближе.

Он дотянулся рукой до её лица, бесцеремонно приподнял за подбородок и пристально посмотрел в глаза. Она беззвучно плакала.

– Ишь ты, театралка... – благодушно произнёс Гавриил. – Зачем за мной следила, я так и не понял... денег тебе не надо, в чем кураж-то?

Лула, приподняв опущенные ресницы, сверкнула взглядом на слова советника.

– Плохо тебе живётся... Ни во что ты не веришь, – она вдруг снова перешла на «ты». – Никому ты не веришь! Похож на сыча... только шкура дорогая, а внутри бутылка... выпитая... Пусти! Не надобно мне ничего от вашего высокоблагородия, – с вызовом произнесла она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.